ЖУРНАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ №2/2012

# И. И. РУБИН И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
## (рефлексия дискуссий 1920-х гг.)

**М. И. Воейков**

*В статье обсуждается и пересматривается вклад И. И. Рубина в развитие советской политической экономии. Показано, что положение Рубина о социальной форме стоимости очень близко подошло к положениям теории предельной полезности. Рубин предвосхитил теоретические построения западных исследователей о товарном фетишизме. Обосновывается взгляд Рубина на политическую экономию как науку о товарно-капиталистическом хозяйстве. Критика Рубина оказалась необоснованной и односторонней.*

### Штрихи интеллектуальной биографии

В прошлом году исполнилось 125 лет со дня рождения Исаака Ильича Рубина (1886–1937 гг.), выдающегося отечественного экономиста-теоретика, работы которого послужили предметом острых политэкономических дискуссий среди советских экономистов 1920-х гг. и оказали громадное влияние на последующее исследование методологических проблем советской политической экономии. К сожалению, критика Рубина в советский период была очень предвзятой и односторонней, что сказалось в недооценке его как крупнейшего советского политэконома. Обсуждая сегодня судьбу политической экономии как науки, думается, будет весьма полезно заново проанализировать вклад Рубина в развитие политической экономии в нашей стране.

Исаак Ильич Рубин родился в Двинске в состоятельной еврейской семье. В 1910 г. закончил юридический факультет Петербургского университета и некоторое время работал юристом. В 1904 г. стал социал-демократом, членом партии «Бунд» и в последующем принимал активное участие в деятельности меньшевиков. С 1919 г. преподавал политическую экономию в различных вузах Москвы, привлекался к переводу и комментированию сочинений К. Маркса, трудов западноевропейских экономистов. С начала 1920-х гг. стал одним из ведущих теоретиков политической экономии и истории экономических учений. После выхода в 1923 г. первого издания книги «Очерки по теории стоимости Маркса» стал непревзойденным авторитетом в области методологических проблем политической экономии. Однако с 1921 г. Рубина в связи с его активной деятельностью как меньшевика периодически арестовывают, ссылают и так вплоть до расстрела в 1937 г. [6]. В связи с нарастанием репрессий по отношению к Рубину усиливалась в научной печати и его критика, которая с начала 1930-х гг. переросла в политические обвинения. Тем не менее росло влияние работ Рубина, которое можно заметить и в политэкономических исследованиях советских экономистов даже в 1960-е и 1970-е гг. Итак, рассмотрим — что же сделал Рубин для отечественной политической экономии.

При первом подходе к Рубину поражает бесподобная его эрудиция. Видимо, он много читал, глубоко понимал прочитанное и хорошо запоминал нужное. Вот пример. Мы часто встречаем в разнообразных текстах французскую фразу: «*Laissez faire et laissez passer*». Но только у Рубина я прочитал, что впервые эту фразу часто употреблял физиократ маркиз Д'Аржансон (1694–1757 гг.): «Не вмешивайтесь (*Laissez faire*) — таков должен быть девиз каждой публичной власти». И далее Рубин пишет, что впоследствии «вероятно Гурнэ» дополнил ее словами «*et laissez passer*» [20, с. 90]. Примеров такого рода можно приводить много. Даже поражаешься, как человек, никогда не выезжавший за пределы России, не стажируясь и не бывая в европейских университетах, не общаясь с европейскими учеными, накопил такие колоссальные знания из области экономической теории, такое глубокое понимание экономических текстов и реальных процессов. Таков Исаак Ильич Рубин. Правда, у него были хорошие учителя и коллеги и, видимо, главное — русский Серебряный век и Русская революция.

Но при всем этом в стиле Рубина можно обнаружить и, так сказать, шероховатости. Иными словами, глубина его мысли не всегда находила адекватное литературное выражение. Любопытно, как сам Рубин характеризует литературный стиль Д. Рикардо: «Вместо живых, увлекательных описаний Смита читателя ждет

отвлеченное и сухое изложение, трудность которого усиливается тем, что читатель ни на минуту не должен упускать из виду множество предпосылок, явно или молчаливо предполагаемых автором» [20, с. 228]. Во многом это свойственно литературному стилю и самого Рубина. Все время приходится «не упускать из виду» множество нечеткостей, недоговоренностей и то, что подразумевается, но не говорится. Трудно сказать, делалось ли это Рубиным сознательно, в целях избежать лишних придирок и обвинений, или же таков был его стиль. Скорее последнее, ибо сознательное усложнение текста практиковали некоторые советские политэкономы значительно позднее, имея опыт разнузданной критики 1930-х гг. Однако же чтение текстов Рубина очень полезно. Не зря его переводили и переводят на иностранные языки. Но темные места в текстах Рубина встречаются.

Многие критики Рубина цеплялись за такие трудные места и фразы, преувеличивали их значение и составляли себе известный капитал на этих недоговоренностях, неточностях, противоречивости. Таких примеров не очень много, но они есть. Но есть и другое. Есть поразительные по глубине и отточенности фразы и положения, которые выражают самую глубинную сущность исследуемых Рубиным явлений и категорий. В одной рецензии он пишет: «Учение Маркса, как всякая абстрактная теория, ставящая себе целью не простое описание, а причинное объяснение явлений, представляет собою… логическое обобщение действительности» [2, с. 487]. Здесь обращает на себя внимание то, что Рубин трактует марксизм не как революционное учение, а как «логическое обобщение действительности», да к тому же как «абстрактную теорию». Должен сказать, что эти формулировки очень правильные и точные. Это, конечно, не значит, что у марксизма нет второй, революционной стороны. Но главное и основное в учении Маркса — это объяснение или, скажем словами Рубина, «логическое обобщение» капиталистической действительности. В этом и состоит научное значение теории марксизма. Также, кстати говоря, трактовали марксизм Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, М. Туган-Барановский и многие другие ученые. В том числе или (прежде всего) немецкие катедер-социалисты Л. Брентано, Р. Гильфердинг, В. Зомбарт, Г. Шмоллер и др. А вот у советских экономистов такую трактовку марксизма встретить было почти невозможно.

Некоторые советские экономисты, наоборот, смачно и развязно ругали такой подход к марксизму. Так, например, А. И. Пашков, читает статью Р. Гильфердинга «Историческая подготовка политической экономии Маркса», которая, кстати, была опубликована в одном сборнике 1924 г. под редакцией Рубина. И вот что пишет Пашков: «Гильфердинг совершенно выхолащивает революционную сущность, материалистическую диалектику из учения Маркса» [14, с. 46]. А вот и про Рубина: «Другой лакей буржуазии — И. Рубин — призывает в свою очередь марксистов благодарить Штольцмана, Шпанна, Петри, ныне якобы развивающих и углубляющих дальше научную политэкономию и метод Маркса». И дальше: «Рубинская меньшевистская „критика" буржуазной политической экономии протаскивалась у нас и в работах некоторых наших экономистов, не усвоивших марксизма-ленинизма» [14, с. 48]. Вот и я, видно, не усвоил марксизма-ленинизма, ибо мне больше нравится формулировка Рубина, чем развязный тон Пашкова.

Рубин действительно был идейным меньшевиком и теоретически наследовал не только Маркса, но и немецких катедер-социалистов, прежде всего Р. Гильфердинга и, как это не покажется на первый взгляд странным, также некоторые положения Розы Люксембург.[1]

### Товарный фетишизм и абстрактный труд

Итак, книга «Очерки по теории стоимости Маркса». Рубин начинает свою знаменитую книгу с раздела «Теория товарного фетишизма Маркса», и здесь он, в частности, пишет: «Теория фетишизма представляет собой основу всей экономической системы Маркса и в частности его теории стоимости». В чем же состоит эта теория Маркса? «В том, что Маркс увидел под отношениями вещей отношения людей, в том, что он вскрыл иллюзию человеческого сознания, порождаемую товарным хозяйством и приписывающую вещам свойства, которые вытекают в действительности из общественных отношений людей в процессе производства» [21, с. 9]. И дальше «В товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство ве-

[1] Так, Рубин называет своих теоретических авторитетов в такой последовательности: Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, Гильфердинг, Р. Люксембург [19, с. 86].

щей». И наконец, «Теория товарного фетишизма превращается в общую теорию производственных отношений товарного хозяйства, в пропедевтику политической экономии» [21, с. 10].

Итак, почему придается такое великое значение теории фетишизма? Рубин отвечает так: «Взаимодействие и взаимовлияние трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей происходит исключительно через вещи, продукты их труда, поступающие на рынок» [21, с. 12]. «Трудовая деятельность одного члена общества может воздействовать на трудовую деятельность другого только через посредство вещи». Таким образом, «Производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму» [21, с. 13]. И еще важный момент: «Движение цен вещей на рынке — не только отражение производственных отношений людей, а единственная возможная в товарном обществе форма их проявления» [21, с. 14]. Таким образом, «тесная связь производственных отношений людей с движением вещей в процессе материального производства приводит к «овеществлению» производственных отношений людей» [21, с. 21]. Такова, по мнению Рубина, общественная форма процесса производства. Таким образом, трактовка Рубиным категории товарного фетишизма задолго предвосхитила построения франкфуртской школы этого же феномена.

Теперь настало время поговорить о стоимости, центральной категории политической экономии. Рубин даже писал: «Основные понятия политической экономии построены на понятии стоимости и, на первый взгляд, даже представляют как бы логическую эманацию этой последней». [21, с. 80]. Вообще говоря, стоимость, наверное, самое сложное и самое темное понятие экономической науки. И это действительно так, вплоть до сего дня. Возможно, поэтому «экономикс» вообще обходится без этой категории. Да и в нашей литературе понятие «стоимость» путается с понятием «ценность».

Итак, что же по этому поводу писал Рубин. В разделе «Овеществление производственных отношений людей и персонификация вещей» своих «Очерков» он писал: «Если данная вещь дает своему владельцу возможность вступить в отношение обмена с любым другим товаровладельцем, то вещь приобретает особое свойство обмениваемости, имеет стоимость» [21, с. 22]. Данная вещь «выполняет также социальную функцию связывания людей» [21, с. 23]. И еще: «Наличие у данного лица вещи с определенной социальной формой побуждает его вступать в определенное производственное отношение, сообщает данному лицу особый социальный характер. Овеществление производственных отношений людей дополняется теперь персонификацией вещей». [21, с. 24]. Уже в этих небольших выдержках можно видеть тяготение Рубина к социальной версии стоимости, понимание стоимости не как издержек по производству, а как социального отношения, аккумулирующего все аспекты рационального экономического поведения человека. В другой работе Рубин писал, что теория стоимости отражает «трудовую деятельность людей как основу жизни общества, и те социальные формы, в которых этот труд организован» [18, с. 20].

Многие критики Рубина упрекали его в том, что он отрывает стоимость и, следовательно, производственные отношения от материально-технической базы, от конкретного труда в материальном производстве. И действительно, социальная версия стоимости в своем последовательном развертывании отрывается от фактических затрат физического труда в конкретном производстве. Именно последнее было характерно для механистической версии стоимости, против которой много и убедительно боролся Рубин. Но его критики были правы, когда обвиняли социальную версию и Рубина в том, что он приближается к маржиналистской теории предельной полезности.

В той дискуссии 1920-х гг. столкнулись две версии трудовой теории стоимости: социальная, учитывающая общественную потребность (полезность) и механистическая, сводящая стоимость к фактическим затратам труда [16, 22]. Это была очень интересная дискуссия, где социальная версия очень близко подошла к теории предельной полезности, но при этом не покидала рамок марксистского анализа. Эти две версии или линии в трактовке стоимости подспудно боролись в русской литературе почти весь XX век. Все это имело практическое значение для нормализации ценообразования в советской экономической системе. Стоял практический вопрос: как надо делать цены в безрыночном хозяйстве. Многие тогдашние экономисты считали, что цены надо делать на основе фактических затрат труда на изготовление определенного продукта. Так было проще и понятней. Общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ) они пони-

мали как фактические затраты, которые в принципе можно подсчитать. В Академии наук в 1960-е годы была даже создана специальная комиссия под председательством академика В. С. Немчинова по расчету стоимости. Но так ничего и не подсчитали. Участники дискуссии по проблемам ценообразования стремились подкреплять свои позиции различной интерпретацией различных текстов Маркса. Конечно, из текстов Маркса можно вытягивать многое, потому-то рубинцы и механисты вытягивали совершенно различные вещи именно из одних и тех же текстов Маркса.

### О политической экономии

Политическая экономия сегодня в России каким-то непонятным образом заняла место генетики сталинских времен, т. е. стала если не запрещенной, то явно гонимой наукой. Ее выгнали из наших университетов, из учебников, из государственных стандартов. Но если генетика в те незабвенные годы объявлялась буржуазной наукой, то сегодняшние российские власти, видимо, считают политическую экономию «социалистической наукой», неподходящей для нынешней буржуазной России. В истории многое повторяется, только с другим знаком. Если по поводу генетики трудно (или невозможно) определить ее отношение к пролетариату, то политическая экономия действительно буржуазная наука[1]. Несколько перефразируя слова Рудольфа Гильфердинга можно сказать, что политическая экономия есть самосознание буржуазной эпохи. Поэтому можно понять первых большевиков, которые в 1920-е гг. отменили политическую экономию. Но как понимать нынешние российские власти?

Прежде чем перейти к роли Рубина в интерпретации и развитии политической экономии, отметим одно его свойство. Рубин видел и понимал то, что другие не видели и не видят до сих пор. Так, в самом начале учебника «История экономической мысли» в предисловии ко второму изданию он пишет: «Требования экономической политики оказывали мощное воздействие на направление экономической мысли» [20, с. 3]. Сегодня многие почему-то думают, что, наоборот, экономическая мысль (т. е. экономическая наука) оказывает воздействие на экономическую политику. И почему-то все беды экономики связывают с неправильным ходом экономической мысли. Рубин же четко и ясно сказал, что история экономической мысли показывает ее зависимость от экономической политики, т. е. не экономическая наука (экономическая мысль) определяет экономическую политику, а, наоборот, экономическая политика составляет питательную почву для формирования и развития различных экономических концепций. Так было раньше, так есть сегодня, но будет ли завтра — неизвестно.

Более того, Рубин начало политической экономии связывает исключительно с Адамом Смитом и его трудом «Исследование о богатстве народов» (1776 г.). Именно с этого момента пишет Рубин, «политическая экономия перестала быть собранием отдельных рассуждений или придатком к философии и естественному праву: она выступила как самостоятельная, систематически и связно изложенная теоретическая наука» [20, с. 154]. Рубин даже труд Дж. Стюарта «Принципы политической экономии», который вышел в свет за десять лет до книги А. Смита, считает полным «неразработанных и ложных положений». И только Смит «поставил политическую экономию на путь теоретического изучения реальных явлений капиталистического хозяйства. На этой заслуге основана слава Смита как основателя политической экономии» [20, с. 165]. Иными словами, меркантилисты и физиократы — это еще не политическая экономия.

Таким образом, политическую экономию Рубин начинает с Адама Смита и заканчивает товарно-капиталистическим хозяйством, т. е. тем анализом, который осуществил Карл Маркс[2]. Он писал: «Теоретическая политическая экономия изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство» [21, с. 5]. В этой связи возникает проблема границ политической экономии.

---

[1] Словосочетание «пролетарская политическая экономия» остается пустой красивой фразой. Маркс был критиком буржуазной политической экономии, но никакой пролетарской политэкономии он не создал и не собирался этого делать. Все традиционные категории классической политической экономии принадлежат буржуазному способу производства и никакого отношения не имеют к тому, что было до него и, возможно, будет после него.

[2] Политическая экономия, которая развивалась в течение столетий, писал Рубин, «получила завершение в системе Маркса» [15, с. 204]. И это вполне созвучно современным представлениям. А. И. Татаркин и В. Л. Берсенёв также пишут: «Экономическая теория К. Маркса фактически завершила эволюцию классической школы политической экономии» [24, с. 6].

**О границах политической экономии**

Теперь рассмотрим вопрос о границах политической экономии или о ее предмете. Вопрос этот имеет определенную историю. О конце политической экономии много говорилось у нас в 1920-х гг., вслед за немецкими социал-демократами, точнее, катедер-социалистами. Так, в немецком журнале «Neue Zeit» в начале XX века Р. Гильфердинг вывел очень емкую формулу: «История политической экономии представляет самопознание буржуазного общества» [8, с. 108]. Наш М. И. Туган-Барановский, повторяя немцев, писал: «Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинно-функциональных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены. В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины, например, статистика, должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе — социологии» [25, с. 20]. Поразительно, как Туган-Барановский угадал судьбу политической экономии и предсказал то, что сегодня происходит в западных странах.

Но Туган-Барановский был не одинок. То же самое говорила Роза Люксембург в своих лекциях: «Политическая экономия представляет собой науку о специфических законах капиталистического способа производства, ее существование и функции связаны с последним, и она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ производства...» [12, с. 97-98]. Тогда политическую экономию в марксистской литературе прочно связывали с товарно-капиталистическими отношениями и рыночным хозяйством. Затем была пущена в оборот формула о политической экономии «в широком смысле» «как единой экономической теории, изучающей главным образом и прежде всего специфические, свойственные каждой формации исторически ограниченные законы, а также общие законы, свойственные всем общественным формациям» [14, с. 474]. Однако никто из советских экономистов никаких «общих законов, свойственных всем общественным формациям» политической экономии так до сих пор и не продемонстрировал.

Центральное место в обсуждении этого вопроса занимает дискуссия 1925 г., в которой по известной причине Рубин не мог принимать участие. Об этой дискуссии в советский период довольно много писали, еще больше о ней упоминали, превратили ее в легенду советской политэкономии. Но, как правило, все исследователи этого периода, писали, что правильную, т. е. «марксистскую» позицию там заняли кроме докладчика, еще один или двое участников. Все остальные, включая крупнейших марксистских идеологов того времени (например, Н. И. Бухарина, Е. А. Преображенского и др.), выступали с «неправильных» позиций, за что в советский период эти идеологи считались плохими марксистами. По сути дела, все участники дискуссии кроме самого докладчика (И. И. Скворцова-Степанова) и историка М. Покровского держались, по мнению советской литературы, «неправильной», «немарксистской» точки зрения. И тем не менее, делался очень странный вывод, что эта дискуссия послужила первым шагом к формированию правильного вывода о политической экономии в широком смысле. Детальный анализ этой дискуссии в советский период встречался очень редко. Однако, при всем уважении к авторам такого анализа, ибо они в жестких условиях советской идеологической цензуры делали почти невозможное честно излагая действительную суть дела, все-таки их анализ и общие выводы делались, как теперь можно сказать, с неправильных методологических позиций. Поэтому остановимся на этой дискуссии подробнее.

Эта знаменитая дискуссия была организована в Коммунистической Академии в начале 1925 г. по докладу И. И. Степанова-Скворцова «Что такое политическая экономия?» [23], где впервые в отечественной экономической литературе был поставлен вопрос о политической экономии в широком смысле. Хотя именно таким термином ни сам докладчик и никто из его оппонентов тогда не пользовался. Термин «политическая экономия в широком смысле» тогда еще не был в ходу. Итак, советская энциклопедия «Политическая экономия» писала в 1979 г., что И. И. Скворцов-Степанов «в докладе „Что такое политическая экономия?" восстановил марксистско-ленинское понимание исторических границ предмета политической эконо-

мии, подвергнув решительной критике взгляды Н. И. Бухарина и его сторонников, отрицавших необходимость и возможность создания политической экономии в широком смысле слова, политической экономии социализма». [26, с. 562]. Удивительно, как все или почти все в советский период переворачивали с ног на голову. В этом докладе Степанов никого не критиковал, тем более Бухарина. Наоборот, все выступающие — и первый среди них Бухарин — критиковали докладчика. Ни о какой политической экономии социализма докладчик прямо не говорил, ограничиваясь некоторыми намеками. Далее докладчик не «восстановил марксистско-ленинское понимание», ибо такого в природе тогда не было, а просто запутал марксистское понимание политической экономии как таковой.

Первым в дискуссии выступил Бухарин и, говоря прямо, камня на камне не оставил от всех построений Скворцов-Степанова. На страницах «Вестника Коммунистической академии» он, в частности, сказал: «И. И. ссылается на широкое понятие политической экономии у Энгельса. Что сказано у Энгельса, если лучше посмотреть? Там сказано — что это есть наука, изучающая „отношения производства и обмена" и т. д. Если вы, И. И., мне докажете, что обмен существует в натуральном хозяйстве, а не в товарном, тогда я с вами поговорю». «Для т. Скворцова буржуазной политической экономии не существует, он борется лишь с „троцкизмом" в политической экономии». И конечный вывод Бухарина: «Политическая экономия есть теория капиталистического хозяйства» [7, с. 296, 298]. Именно в данной фразе содержится зерно, которое давало повод советским экономистам приписывать влиянию Бухарина распространение трактовки предмета политической экономии, которое превратилось «чуть ли не в догму».

Интригующе и в общем-то провидчески Скворцов-Степанов закончил свое выступление: «Итак, товарищи, еще раз повторяю: я не ожидал, что нападки на меня будут так мягки… Ясно, что первобытная чистота и наивность в области политической экономии скоро будут вами утрачены» [23, с. 346]. И это оказалось верным. Были «утрачены» не только «чистота и наивность» многих участников дискуссии, но в конце 1930-х гг. были «утрачены» почти все участники этой дискуссии за исключением самого докладчика. Но что бы это могло значить, что имел в виду докладчик? Остается не ясным.

Итак, чем важна эта дискуссия сегодня? Тем, что она возвращает нас на исходные позиции развития политической экономии в России, после которых уже в конце 1920-х годов был взят принципиально неверный курс на политическую экономию социализма. Поэтому, чтобы понять место и функции политической экономии в современном обществознании, надо и переосмыслить ту дискуссию.

Вместе с тем формула о политической экономии в широком смысле слова давала надежду на существование этой науки в советском социалистическом обществе. Когда, в начале 1920-х годов сочли, что политическая экономия не нужна в строительстве социализма[1], у многих политэкономов появилась некоторая раздвоенность, интеллектуальная неуютность. Как же так! С одной стороны, политическая экономия хорошая наука, которая как никакая другая способна объяснить экономический процесс, характерный не только для более передовых западных стран, но и для советской экономики. Ведь все 1920-е годы почти официально экономический строй в СССР назывался государственным капитализмом и все товарно-денежные категории (товар, деньги, цена, кредит и т. п.), традиционные для классической политической экономии, активно использовались в реальной жизни. С другой стороны, надо отказываться от этой науки, потому что неуклонно приближается социализм, где отношения между людьми не будут опосредоваться вещами. А ведь тогда не вызывало возражений марксистское положение, которое Рубин сформулировал так: «Политическая экономия как наука о товарном хозяйстве имеет дело с вещными категориями» [21, с. 45]. Социалистические отношения теряют вещную оболочку, а значит, теряют свое содержание и смысл традиционные товарно-денежные категории. Значит, должна терять смысл и политическая экономия. Все логично. Но в реальной

[1] Следовало бы уточнить предположение, высказанное в содержательной и информационно насыщенной статье В. Л. Берсенёва и А. П. Горста о том, что в 1920-х гг. было «весьма популярным мнение о ненужности экономической науки обществу, где победила революция…» [3, с. 50]. Речь тогда шла, за некоторыми исключениями, о ненужности именно политической экономии, а не экономической науки вообще. Наоборот, многие конкретные экономические дисциплины активно осваивались и развивались. Например: планирование народного хозяйства, народнохозяйственный баланс и балансовый метод планирования, организация хозяйства, экономика промышленности и т. д.

жизни и в 1920-х годах, и в 1930-х и дальше люди все-таки зависели и зависят от вещей и их производства. Такие категории, как стоимость, товар, цена и т. п. продолжают играть существенную роль. Без них невозможно представить нормальное функционирование даже планового советского хозяйства. Тут как нельзя кстати подвернулась формула о политической экономии «в широком смысле». И, видимо, многие искренне ухватились за эту формулу, оправдывающую их многолетнюю деятельность и даже существование как политэкономов в советском социализме. В общем и целом это понятно.

Рубин четко очерчивал границы политической экономии: «Я прямо утверждаю, что все экономические явления, изучаемые нашей наукой, связаны именно с данной, капиталистической, системой хозяйства и при другой системе хозяйства не могут иметь места» [19, с. 93]. И в другой работе: «Политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму, т. е. совокупность производственных отношений людей, образующих «экономическую структуру» капитализма» [21, с. 6]. Вот уже здесь Рубин специально выделяет слова социальная форма или социальная сторона экономического процесса. Это породило громадную дискуссию в советской литературе о включении в предмет политической экономии производительных сил и обильные обвинения Рубина в протаскивании идеализма в политическую экономию.

### О предмете политической экономии

Итак, если соглашаться с Рубиным, что политическая экономия как наука начинается с Адама Смита, то вот уже более 200 лет в этой науке идет нескончаемый спор о ее предмете. Что изучает политическая экономия? Сначала полагали, что она изучает богатство народов, все народное хозяйство, всю экономическую систему. Постепенно, по мере дифференциации экономических наук стали суживать и предмет политической экономии. Дело дошло до постановки вопроса — а есть ли вообще место политической экономии в системе экономического знания? [1, 11]. Таким образом, до сих пор консолидированного мнения большинства специалистов о предмете политической экономии нет. Особенный разброд и живые дискуссии по этому вопросу были среди советских экономистов. И думается, правильно будет сказать, что законодателем моды в этом деле был Рубин.

Рубин писал: «Политическая экономия изучает трудовую деятельность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда, но со стороны ее социальной формы. Она изучает производственные отношения, устанавливающиеся между людьми в процессе производства» [21, с. 31]. Или вот еще: «Речь идет об основном различии между процессом материального производства и его общественною формою, о двух различных сторонах, технической и социальной, единого процесса трудовой деятельности людей. Политическая экономия изучает производственные отношения людей, т. е. социальные формы процесса производства, в отличие от его материально-технической стороны» [21, с. 38]. При этом Рубин не отбрасывал и производительные силы: «Для нас в политической экономии непосредственным объектом исследования являются производственные отношения людей. Предпосылкой же нашего исследования являются материальные производительные силы». И подчеркивал, что слово «предпосылка» не противопоставляется словам «движущая причина» [19, с. 83]. Его оппоненты, не замечая нюансов, парировали, что по Рубину «производительные силы — не содержание общественной формы, а ее предпосылка» [4, с. 234]. Но у Рубина слово «предпосылка» относится к исследованию, а не к самим производственным отношениям. Бессонов же этого не заметил или не понял.

Позиции Рубина, которая более адекватно отражала классическое марксистское представление о предмете политической экономии, противостояло так называемое механистическое направление. Представители последнего утверждали, что «политэкономия изучает материальное производство в его социальной форме, т. е. единство содержания и формы». [4, с. 234]. На что Рубин отвечал следующим образом: «Для объяснения изменений производственных отношений людей мы должны искать соответствующую причину в материальном процессе производства. Но непосредственным предметом нашего исследования в теоретической политической экономии остаются производственные отношения людей» [19, с. 88]. Очень разумная и четкая позиция. Но критики выхватывали вторую фразу и обвиняли Рубина в идеализме.

По этому поводу возникла известная дискуссия, которая шла с различной интенсивнос-

тью почти весь советский период. В частности, Я. А. Кронрод, анализируя эту дискуссию писал: «В итоге дискуссии были преодолены обе рассмотренные ошибочные концепции и советские экономисты развили и обосновали в целом правильный взгляд на политическую экономию как науку, изучающую производственные отношения в их неразрывной связи с производительными силами и обусловленности развития первых развитием последних» [10, с. 17]. Надо сказать, что эта формулировка существенно ближе к рубинской, если не простой ее перифраз, и достаточно точно передает смысл позиции Рубина. Поэтому не получилось «борьбы на два фронта» как того требовали некоторые рьяные охранители марксизма-ленинизма[1]. Победил Рубин.

Почему так рьяно шла эта дискуссия? Объяснение мне видится в следующем. Рубин, отстаивая формулу производственных отношений как социальную форму, выводил материально техническую сторону производства из сферы интереса политической экономии. Политическая экономия, таким образом, сводилась к тому, чем, например, сегодня занимается социология. Экономико-технологический, собственно, производственный мотив из нее выхолащивался. Это вело к обвинениям Рубина в идеализме, в увлечении формой без содержания, отрыве от материализма и т. п. Так, С. Бессонов писал, что политическая экономия по Рубину превращается в «на редкость чистую „социологическую" науку об абсолютно чистых и абсолютно социальных отношениях» [5, с. 144]. А ведь все советские экономисты и прочие ученые в 1920-е гг. должны были быть материалистами. Поэтому Рубин начинал употреблять более сложные фразы и логические конструкции, и что называется, выкручивался. От него и пошла формула, что политическая экономия изучает производственные отношения в связи с развитием производительных сил. Вот цитата Рубина: «Политическая экономия изучает производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» [21, с. 308]. Хотя эта формула получила довольно широкое распространение в советской политэкономической литературе (см. выше у Кронрода), но она достаточно бессмысленная. Ведь и так ясно, что производственные отношения есть лишь форма производительных сил и, стало быть, изучая первые, никак нельзя игнорировать вторые. Наука, которая изучает растения, не может игнорировать почву, на которой взрастает это растение, но почву изучает другая наука.

Итак, победил Рубин. Однако к этому моему выводу о победе Рубина у информированного читателя могут быть серьезные вопросы. Ведь в вопросе о стоимости концепция Рубина потерпела поражение, а в вопросе о предмете политической экономии вдруг победила. Но ведь факты говорят именно это. Значит, остается ответить на вопрос: почему? Объяснение видится в следующем. Социальная версия стоимости Рубина потерпела поражение потому, что в советском хозяйстве возобладал натуральный подход, товары превратились в продукты, деньги в учетные квитанции, равновесие достигалось не на рынке, а в плане, т. е. на бумаге. Но политическая экономия не может изучать натуральные пропорции, производительные силы сами по себе, потребительную стоимость как таковую. Политическая экономия изучает социальную форму производственного процесса. Но вещная, товарно-капиталистическая форма была неприемлема для советской идеологии. В этих условиях было бы проще запретить политэкономию и забыть о ней, но в жизни ведь были реальные политэкономические категории (товар, деньги и т. д.), которые надо было как-то объяснять. Поэтому сохраняли политическую экономию с ее традиционным предметом исследования в рубинской трактовке, как самой удачной. Но реальное содержание политической экономии свели к изучению производительных сил и организационно-экономических отношений. От всего этого в советской действительности бытовала двойственность: в теории одно, на практике — другое.

В этой дискуссии есть один любопытный момент, который сегодня способен пролить некоторый свет на нынешнюю дискуссию по поводу «экономикса» и его соотношения с политической экономией. Этот вопрос в нашей литературе сегодня широко и живо обсуждается. «В настоящее время, — пишут А. И. Татаркин и В. Л. Берсенёв, — продолжается так называемый „терминологический спор" на тему, что первично: политическая экономия или economics. Можно даже утверждать, что за противостоянием двух терминов стоит идеологическая непримиримость адептов Карла Маркса, с одной стороны, и Альфреда Маршала, с дру-

[1] См. выступление И. Лаптева на дискуссии в Институте красной профессуры [15, с. 225].

гой… Данный спор интересен хотя бы тем, что побуждает у сторонних наблюдателей желание выяснить, что же скрывается за тем и другим термином в ретроспективном плане» [24, с. 5][1]. Однако, думается, что вопрос этот более сложный и интересный, чем просто «терминологический спор». Вопрос этот упирается в диверсификацию экономического знания, в специализацию отдельных экономических дисциплин. Поэтому полезно познакомиться с взглядами Рубина, высказанными им еще в 1920-х гг. и сегодня получивших актуальность.

Обсуждая проблемы предмета политической экономии, Рубин выделял две науки: наряду с политической экономией он предполагал возможным формирования особой науки, которая должна изучать общественную технику. Вот его разъяснение на этот счет: «В чем же заключается мое „разъяснение"? Оно заключается в признании мною существования двух наук: 1) науки об общественной технике, которая должна изучать производительные силы общества в их взаимодействии с производственными отношениями людей, и 2) политической экономии, которая имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» [21, с. 306]. Или в другом месте: «Для изучения закономерностей развития производительных сил при капитализме нужно собрать обширнейший материал, нужно подвергнуть его тщательному анализу и исследованию, нужна специальная наука, которая отчасти и создается» [19, с. 87].

Вот мне и представляется, что наука, которая изучает производительные силы (общественную технику) и есть современные «экономикс». Он показывает функциональные связи в экономике, объясняет «как это делается», но не объясняет «почему это делается». Разумеется, вряд ли Рубин предвидел, собственно, «экономикс», но его обоснование второй экономической науки наряду с политической экономией, можно рассматривать как гениальный прогноз. Поэтому противопоставление в современных дискуссиях политической экономии и «экономикса» — кто лучше и стройней — на мой взгляд, бессмысленно. Политическая экономия и «экономикс» должны не замещать друг друга, а существовать вместе. Как производственные отношения и производительные силы, существуя вместе, но не сливаясь во что-то одно бесформенное, тем не менее, составляют единую экономическую систему.

Говоря о трактовке Рубиным производственных отношений как специфической социальной формы, нельзя обойти еще один важный вопрос. Рубин естественно увлекался диалектикой и любимым его пассажем было такое утверждение, что «одни социальные формы возникают из других социальных форм под давлением развития производительных сил» [19, с. 96]. Но его часто обвиняли в склонности к «саморазвитию понятий» (С. Бессонов), в том, что он играет в диалектику форм, забывая об их содержании, т. е. о производительных силах. На что Рубин отвечал, что нельзя каждую экономическую форму рассматривать как «непосредственный пассивный рефлекс» изменения в материальном производстве. Ибо изменение материального процесса производства и новые производственные отношения или новая социальная форма появляются не как «пассивный рефлекс» нового состояния производительных сил, а эта новая форма «возникла не непосредственно из производительных сил, а из предыдущей, более простой социальной формы» [19, с. 91]. Мысль Рубина верная и правильная, но выражена очень неуклюже. Действительно, если буквально понимать Рубина, то получается что новая форма растет из старой. Было бы точнее сказать, что с развитием производительных сил развивается и их социальная форма, которая на новом этапе отражает новое содержание производительных сил, но вырастает при этом из старой формы. Хотя Рубин и без меня и лучше меня мог формулировать достаточно глубокие положения. Так, относительно диалектики социальной формы, он писал: «Каждая следующая категория является не только дальнейшим развитием предыдущей, но и ее отрицанием» [19, с. 96]. Заслуга Рубина в этом вопросе состоит в том, что он обратил внимание на очень сложную диалектическую связь производительных сил и производственных отношений и указал, что новые производственные отношения (новая социальная форма) наследует что-то от старых отношений.

[1] Надо заметить, что литература «адептов Карла Маркса», которые громят и уничтожают «economics» достаточно обильная и широкая (см. например, уже четыре выпуска трудов Кафедры политической экономии МГУ «„Капитал" и экономикс» под редакцией В. Н. Черковца), а вот литература «адептов Альфреда Маршала», которые с таким же упорством громили бы политическую экономию, мне что-то не попадалась.

Подспудно или имплицитно в этом расхождении между Рубиным и его оппонентами (маркситами-ленинцами) лежала проблема отделения производственных отношений молодого советского общества от старых отношений дореволюционной России. Оппоненты хотели доказать (показать), что новые производственные отношения принципиально, по всем параметрам отличаются от старых, их вполне можно называть социалистическими. Рубин же старался показать, что и они наследуют старые, что и в них еще что-то осталось от старых отношений. Все это усложнялось советской практикой 1920-х гг. По идее, и на словах об этом много говорилось, должны были развиваться новые социалистические отношения, в действительности продолжали существовать старые товарно-рыночные отношения. Рубин эту дилемму пытался как-то объяснить, правда, очень сложно и порой схоластично. Его критики цеплялись за не очень удачные формулировки, примитивизировали позицию Рубина, но логически и теоретически серьезно ему противостоять не могли.

Во всей этой дискуссии была какая-то недосказанность. Рубин не мог сказать прямо и откровенно, как говорили меньшевики в эмиграции, что советская действительность 1920-х годов была буржуазной и построение социализма в отдельно взятой стране с марксистской точки зрении есть нонсенс. Он выстраивал виртуозную теоретическую конструкцию, которая могла бы это доказывать и которую понимали далеко не все. Но некоторые его критики, неспособные сокрушить всю конструкцию, ибо это был бы выпад и против марксизма, цеплялись за отдельные не очень удачные фразы и положения Рубина и занимали победную позу «ревнителей марксизма». Трезвомыслящие сторонники Рубина отмечали этот момент. Так, Гр. Деборин писал: «Вместо того, чтобы критиковать то неточное и неправильное, что иногда встречается в работах тов. Рубина… они («ревнители марксизма» — *М. В.*) пытаются исказить Маркса» [9, с. 109]. При этом, видимо, чувствуя инородное теле в ровных рядах марксистов-ленинцев, они обвиняли его в антисоциалистических устремлениях. «Нам кажется поэтому, — говорил Бессонов, — что концепция Рубина есть теоретическая база для критики нашего социалистического строительства справа» [15, с. 236]. И Бессонов в этом пункте был прав. Хотел того Рубин или нет (скорее, конечно, нет), но его виртуозный анализ текстов Маркса действительно составлял теоретическую базу для критики того «социалистического строительства», которым начали заниматься с конца 1920-х гг. Но и Рубин был прав. Он показывал несовместимость классического марксизма с тем, что стало твориться в то время в стране. «Рубин является в настоящий момент, — утверждали его оппоненты, — одним из наиболее опасных наших врагов» [22, с. 4]. Его теоретическая конструкция имплицитно была направлена против иллюзий «социалистического строительства».

### Рубин в критике

Эта тема достойна большой монографии, а возможно и не одной. Трудно найти какого-либо другого советского экономиста-теоретика, которого критиковали столь долго, много, смачно и зря. Конечно, можно назвать имена Л. Троцкого или Н. Бухарина, критика которых для некоторых людей превратилась в разновидность профессиональной деятельности. Но то были прежде всего политические деятели, прямые или косвенные конкуренты сталинской монополии на власть. Рубин, хотя и был в некотором роде и некоторое время активистом меньшевистской партии, но отнюдь не политическим деятелем. Не было у него формальных учеников (аспирантов, сотрудников, близких коллег), не было заметной должности, не было даже ученой степени. Но были мысли и идеи, которые и сегодня поражают глубиной, утонченностью и современностью. Главное его теоретическое достижение состояло в изумительной по глубине интерпретации основных положений марксизма, в частности, социальной формы экономических отношений.

Влияние Рубина на все последующее развитие политической экономии в СССР было колоссальным. Даже в 60-е и 70-е годы многие советские политэкономы, формально отмежевываясь от Рубина, повторяли и воспроизводили его основные положения. Это было свойственно некоторым представителям кафедры политической экономии МГУ, а также другим ученым, например, Я. А. Кронроду.

Некоторые коллеги и оппоненты Рубина, яростно с ним споря, тем не менее, признавали его авторитет и даже против своей воли попадали под его влияние. Так, С. А. Бессонов в специальной статье с убийственным названием «Против выхолащивания марксизма» (К 3-му изданию

«Очерков» И. Рубина) отмечал «заслуженную популярность „Очерков", бесспорную талантливость автора, его «крупную теоретическую силу» и тем не менее заключал: «Недостатки Рубина как комментатора Маркса являются продолжением его достоинств» [5, с. 123].

В «исправленных» изданиях «Комментариев», начиная, наверное, с 4-го, в начале 1930-х гг. Д. И. Розенберг пытается полемизировать с рядом положений Рубина. Так, по поводу последнего, Розенберг пишет: «По Рубину исходным пунктом политической экономии является товарный фетишизм, «социальная форма вещи». Материальное производство Рубин всячески изгоняет из политической экономии» [17, с. 32]. Здесь Розенберг очень точно ухватил суть подхода Рубина, но не понятно, почему такой подход плох. Ведь материальное производство политическая экономия изучает не как таковое, а лишь со стороны социальной формы. В данном случае придирка к Рубину несправедлива, сам же Розенберг лучшие страницы своих трудов посвятил именно «социальной форме». И в первом издании 1929 г. он вполне корректно цитирует Рубина и даже берет на вооружение его методологическую конструкцию.

А вот что писали через год в итоговой статье, написанной «по поручению ЦК ВКП(б)», В. Милютин и Б. Борилин: «Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И. И. Рубин. Кантианскую схоластику эпигонов буржуазной науки гибнущего капитализма И. И. Рубин ставит выше объективного научного анализа классиков политической экономии. … Оставаясь на позициях международного меньшевизма, И. И. Рубин не понимает и не может понять, что политическая экономия апологетов капитализма принципиально и непримиримо враждебна пролетариату. В общеполитических позициях И. И. Рубина лежит корень того, что вся его концепция ограничена, замкнута в рамках общих абстрактных вопросов. И. И. Рубин отрывает общеметодологические проблемы политической экономии от проблем советского хозяйства и послевоенного империализма, старательно обходя и игнорируя эти последние. Методологическая «утонченность» работ И. И. Рубина сводится поэтому к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям… Работы И. И. Рубина и спор вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики…» [13, с. 56].

В настоящем тексте не время и не место разбирать всю критику Рубина, ибо во многом она была ненаучной и предвзятой. Но последняя фраза: «Работы Рубина отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики» — очень, видимо, точна, и в ней состоит суть вопроса. Действительно, зачем так много и обильно критиковать человека, который начитавшись работ Гегеля или Канта, увлекся схоластическим комментированием К. Маркса? Кому от этого плохо? Но дело в том, что теоретическая ситуация в конце 1920-х — начале 1930-х гг. была не просто сложной, но тупиковой для политической экономии. Как уже говорилось, большинство экономистов того времени считали политическую экономию наукой, которая изучает исключительно товарно-капиталистическое хозяйство. В социалистическом обществе политическая экономия не нужна, ибо там экономические отношения не должны прикрываться вещной формой. Стало быть, политэкономии там изучать нечего. И в это время был взят идеологический курс на «победу социализма» в одной стране. Но с другой стороны, сохранялись многое, если не все, категории рыночного хозяйства (прибыль, цена, кредит, деньги и т. д.), которые и выражают эту самую вещную форму экономических отношений. А именно их изучает и объясняет политическая экономия. Поэтому политэкономия, с одной стороны, оказалась нужной, а, с другой — усеченной. Без разрешения объяснять, какие же отношения выражаются вещной формой и есть ли вообще это форма в советском социализме. Рубин же доказывал, что политэкономия изучает только эту форму, и если ее нет, то нет предмета и для политической экономии. Но в реальной жизни эта вещная форма была, это все (или многие) видели и чувствовали, значит, должна была быть и политэкономия. Но какая-то иная, другая. И была придумана «политическая экономия в широком смысле».

Тут как нельзя кстати подвернулась механистическая трактовка производственных отношений, которая в основу брала натуральный процесс производства и распределения общественного продукта и не обращала внимания на социальную форму. Хотя эта позиция в 1920-х гг. была раскритикована и прежде всего Рубиным, но уже в 1930-х годах она, что называется ти-

хой сапой, стала господствующей. И все годы этот механистический или натуральный подход был свойственен для многих экономико-теоретических построений. В этом русле, например, лежали попытки подсчитать стоимость товаров при социализме, трактовка ОНЗТ как затрат физического труда, господство натуральных пропорций в планировании и т. д. И все это объявлялось социализмом и социалистическим хозяйствованием. На деле товарные отношения выхолащивались в суррогаты, политическая экономия превращалась в пустую болтовню. Для мобилизационной экономики это было не очень важно. Но научному пониманию реального экономического процесса это не способствовало. Рубин же стоял в начале разработки понимания экономического процесса, который облекается в специфическую вещную форму товарно-капиталистического хозяйства, что и является предметом изучения политической экономии.

## Список источников


1. *Анисимова Г. В.* Проблемы политической экономии (о научной конференции «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке») // Вопросы экономики. — 2011. — №8.

2. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. — М.-Л.: Госиздат, 1929.

3. *Берсенёв В. Л.*, *Горст А. П.* Генеалогия термина «политическая экономия». // Журнал экономической теории. — 2005. — № 4.

4. *Бессонов С. А.* Заключительное слово. // Проблемы экономики. — 1929. — 4-5.

5. *Бессонов С. А.* Против выхолащивания марксизма. // Проблемы экономики. — 1929. — №1.

6. *Васина Л. Л.*, *Рокитянский Я. Г.* Страницы жизни и творчества экономиста И. И. Рубина // Вестник Российской Академии наук. — 1992. — №8.

7. Вестник Коммунистической Академии. — 1925. — Кн. XI.

8. *Гильфердинг Р.* Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса. // Основные проблемы политической экономии. Сб. статей. Под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. — М.: Госиздат, 1922.

9. *Деборин Гр.* Предмет политической экономии в современных спорах. // Под знаменем марксизма, 1929. — №4.

10. *Кронрод Я. А.* Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. — М.: «Мысль», 1966.

11. *Либман А. М.* Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? (Конференция НЭА и ИЭ РАН) // Журнал новой экономической ассоциации, 2010, № 8.

12. *Люксембург Р.* Введение в политическую экономию. — М.: Соцэкгиз, 1960.

13. *Милютин В.*, *Борилин Б.* К разногласиям в политической экономии. //Большевик, 1930, №2.

14. *Пашков А. И.* Вопросы экономической науки. — М.: Наука, 1973.

15. Проблемы экономики. — 1929. — № 4-5.

16. Против механистических тенденций в политической экономии : сб. статей / Под ред. Б. Борилина, А. Леонтьева. — М.-Л., 1929.

17. *Розенберг Д. И.* Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. 4-е изд. доп. и испр. — М.-Л.: Московский рабочий, 1931.

18. *Рубин И. И.* Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. М., 1928.

19. *Рубин И.* Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса // Под знаменем марксизма. — 1929. — №4.

20. *Рубин И. И.* История экономической мысли. Изд-е 3-е. — М.-Л.: Госиздат, 1929.

21. *Рубин И. И.* Очерки по теории стоимости Маркса. Изд-е 4-е. — М.-Л.: Госиздат, 1929.

22. Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии : сб. статей / Под ред. С. А. Бессонова, А. Ф. Кона. — М.-Л.: Госиздат, 1930.

23. *Степанов-Скворцов И. И.* Что такое политическая экономия // Вестник Коммунистической Академии. — 1925. — Кн. XI.

24. *Татаркин А. И.*, *Берсенёв В. Л.* Политическая экономия и economics: особенное и общее // Журнал экономической теории. — 2006. — № 4.

25. *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии : 3-е изд. — Петроград, 1915.

26. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. — М., 1979.


УДК. 330.8

**ключевые слова:** политическая экономия, производственные отношения, абстрактный труд, форма стоимости